

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETVMOС

Научная статья
УДК [94(37+398):930.2] | 00/02 |

Ольвиополиты «известные Августам»: титул *σεβαστόγυνωτος* в надписях Ольвии I–III вв. н.э.

М. Н. Растегаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Растегаева Мария Николаевна, аспирант кафедры истории древнего мира,
marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>, AuthorID: 1149537

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношений *amicitia Caesaris et populi Romani* в Ольвии, где в почетных декретах зафиксирован титул *σεβαστόγυνωτος*, который можно перевести как «знакомый с Августами» или же «известный Августам». На основе анализа сведений эпиграфики и ономастики делается вывод, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит к представителю новой ольвийской аристократии, который возвысился в период «второго рождения» города в середине I в. н.э. Потомки этого рода также использовали данный титул, однако применительно к предкам, от которых они происходили, поэтому статус *σεβαστόγυνωτος* не передавался по наследству.

Ключевые слова: Рим, Северное Причерноморье, Ольвия, эпиграфика, *amicitia Caesaris et populi Romani*, *σεβαστόγυνωτος*

Для цитирования: Растегаева М. Н. Ольвиополиты «известные Августам»: титул *σεβαστόγυνωτος* в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETVMOС

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

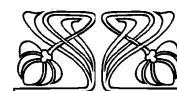
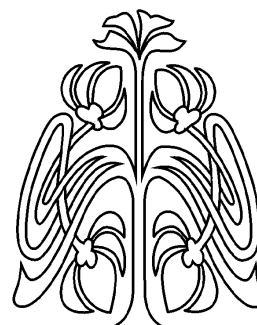
Olbiopolitans “known to the Augustans”: The title *σεβαστόγυνωτος* in the inscriptions of Olbia in the 1st–3rd centuries AD

M. N. Rastegaeva

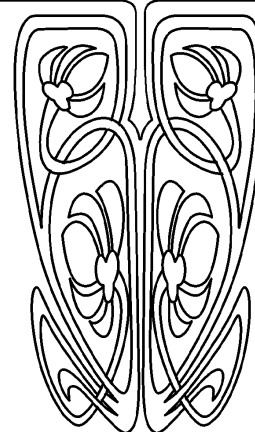
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mariya N. Rastegaeva, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>, AuthorID: 1149537

Abstract. The article deals with the problem of *amicitia Caesaris et populi Romani* relations in Olbia, where the title *σεβαστόγυνωτος* is fixed in honorary decrees, which can be translated as “familiar with the Augusti” or “known to the Augusti”. Based on the analysis of epigraphic and onomastic evidences, it is concluded that the title *σεβαστόγυνωτος* goes back to a member of the new Olbian aristocracy, who rose to prominence during the “rebirth” of the city in the middle of the 1st century AD. The descendants of this family also used this title, but in relation to the ancestors from whom they descended, therefore the status of *σεβαστόγυνωτος* was not inherited.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Rome, Northern Black Sea region, Olbia, epigraphy, *amicitia Caesaris et populi Romani*, $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$

For citation: Rastegaeva M. N. Olbiopolitans "known to the Augustans": The title $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ in the inscriptions of Olbia in the 1st–3rd centuries AD. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETBMOС

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В римской внешней политике практиковались различные формы непрямого господства. При этом определяющими во взаимоотношениях с внеиталийскими государствами и государственными образованиями были отношения *amicitia Caesaris et populi Romani* (так называемые отношения «дружбы с Цезарем и народом римским»). Частью этой политики римских «уз дружбы» стало и Северное Причерноморье, в особенности Боспорское царство, титулатура правителей которого часто содержит определения $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\acute{\alpha}\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. Именно в северной части Понта отчетливо выделяется проблематика подчинения территорий *Imperium Romanum*, где в непосредственной близости друг от друга происходят процессы исключения «варварских» *hostes* из *orbis Romanum* и включения в него таких же «варварских» *amici*. Несмотря на обозначенные взаимоотношения Рима и государств Северного Причерноморья, в эпиграфике Ольвии римского времени не встречаются расхожие на Боспоре титулы $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\acute{\alpha}\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. Однако здесь вероятной реминисценцией этих определений может являться титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$, о котором речь пойдет далее.

Титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ встречается только в нескольких греческих надписях римского времени. Семантическое значение $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ довольно прозрачно – «знакомый с Августами» или же «известный Августам». Г. Мендель рассматривает его как проявление «провинциального честолюбия» [1, р. 64; 2, 1422; 3, р. 227–228]. Этимологические словари передают $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ как греческий аналог латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*, рассматривая его как почетный титул [4; 5], однако это утверждение весьма спорно. $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ не может являться региональной лексической вариацией наиболее распространенных титулов $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$ – $\acute{o}\ \phi\iota\lambda\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\upsilon$ – *amicus Augusti*, поскольку в Малой Азии $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ употребляется вместе с $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$. Кроме того, как полагает Б. Надель [6, р. 298], титулы имеют совершенно разное значение, поскольку восходят к различным понятиям – $\phi\iota\lambda\acute{\iota}\alpha$ и $\gamma\upsilon\tilde{\omega}\varsigma\iota\varsigma$. Получается, что $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ представляет собой почетный титул, который не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

В Ольвии титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ встречается в двух почетных декретах, относящихся к периоду правления императора Септимия Севера –

надпись в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IOSPE I² 42), и Каллисфена, сына Дада (IOSPE I² 43). Оба занимали должность архонта-эпонима. Первый происходил «от знаменитых предков, известных Августам» ($\acute{\alpha}\nu[\eta\rho\ \gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \rho\rho\omicron\upsilon\acute{o}\nu\omega\nu\ \acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\acute{\eta}\mu\omega\nu\tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\upsilon[v]]$); второй был потомком «знаменитого рода, известного Августам» ($\gamma\epsilon\nu\acute{o}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\ \lambda\alpha\mu\pi\rho\acute{\upsilon}\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\upsilon$).

Curriculum vitae Каллисфена, сына Каллисфена, достаточно подробно освещен в ольвийской эпиграфике – он четыре раза занимал должность архонта-эпонима, а также получил титул «отец города» ($\pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho\ \tau\eta\varsigma\ \pi\acute{o\lambda\epsilon\omega\varsigma$) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 174, HO 86) [7; 8, с. 570–571]. Он упоминается и в надписи IOSPE I² 174, которую В. В. Латышев и вслед за ним В. П. Яйленко датируют 196/198 гг. н.э., соответственно политическая деятельность Каллисфена, сына Каллисфена, приходится на третью – последнюю четверть II в. н.э. Очевидно, что к архонству Каллисфена относится серия ольвийских медных монет, отчеканенных в период правления Септимия Севера. Первая из них, состоящая из четырех номиналов, по замечанию В. А. Анохина, имеет автономный (или квази-автономный) характер – на аверсе монет помещается указание на ольвийского эпонима, в наиболее полном виде читаемое как AP · КАЛ · ТО · Δ, т. е. «архонт Кал... в четвертый раз». Типы монет: сидящий на троне Зевс и стоящая Тихе; бык и орел с венком в клюве; стоящий воин и кадуцей; лира и стоящий Аполлон [9, табл. XXIII -384–387; 10, с. 143; табл. XXXIV].

При этом греческое личное имя Каллисфен не упоминается в Северном Причерноморье в до-римский период [11, р. 123–380]. В римский период это имя встречается часто, особенно в городах Боспорского царства и в Ольвии [12, 183 f.], где оно, вероятно, было излюбленным в одном аристократическом роду. Имя Каллисфен упоминается также в почетном декрете в честь неизвестного сына Каллисфена (IOSPE I² 44), имя которого приходится на лауну между сохранившимися фрагментами. В этом тексте В. П. Яйленко восстанавливает и титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$, указывая в переводе, что Ант, сын Каллисфена, «происходит от предков славных и известных императорам, многие и значительные благодеяния оказал народу превосходным образом, соревнуя достоинству рода --, во всех случившихся для города -- и осознавая славу рода -- вследствие чего удрученный город -- добровольно принял на себя -- доходы -- сооружение -- в тяжком --» [8, с. 527]. Однако восстановление имени

Анта в надписи принимают не все исследователи, поэтому достоверно можно реконструировать только то, что некий сын Каллисфена был потомком *σ[εβαστόγυνωτος]*.

Современником Каллисфена, сына Каллисфена, был Каллисфен, сын Дада, упоминаемый в IOSPE I² 42 как один из докладчиков на всенародном собрании. В IOSPE I² 174 он фигурирует как архонт. В его честь принят декрет IOSPE I² 43, в котором он обозначен как трижды занимавший эпонимные первые должности, честно и справедливо исполнивший срок магистратур и, будучи стратегом, проявивший всяческую заботу о мире. Встречается Каллисфен, сын Дада и в других ольвийских надписях, где он фигурирует как архонт-эпоним периода правления Септимия Севера (193–211 г. н.э.) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 43, IOSPE I² 174). Имя *Δάδος* имеет фракийское происхождение [13, S. 110], причем в этом варианте встречается только в Северном Причерноморье (LGPN IV 84).

Получается, что и Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сын Дада, являлись политическими деятелями Ольвии конца II – начала III вв. н.э. и вели род от предков знаменитых и известных римским императорам. Однако сведения о каких-либо контактах этих ольвиополитов с Римом отсутствуют.

Очевидно, что ключ к пониманию титула *σεβαστόγυνωτος* в ольвийских надписях рубежа II–III вв. н.э. следует искать в более ранней эпиграфике. Известно, что *σεβαστόγυνωτος* фигурирует и в надписи времен Тиберия или Калигулы – почетном декрете IOSPE I² 79, изданном гражданами Византия в честь ольвиополита Оронта, в котором приводится информация о том, что отец Оронта Абаб был хорошо известен не только в своем отечестве, но и по всему Понту и возвысился настолько, что был знаком с Августами (*μέχρι τὰς τῶν Σεβαστῶν γυνώσεως προκό[ψ]αντος*) [латинские аналоги – 14, p. 85]. При этом и сам Оронт унаследовал от отца благосклонность к народу и проксению, а потому народ Византия счел нужным «похвалить ольвиополита Оронта, сына Абаба, за его постоянную и унаследованную от предков заботливость к народу» (*ἐπαινεῖσθαι μὲν Ὀρόνταν Ἀβάβου Ὀλβιολοίταν ἐπὶ ταῖς διανεκεῖ ποτὶ τὸν δᾶμον καὶ διὰ προγόνων προνοίαι· εἴμεν δὲ αὐτὸν καὶ πολεῖταν καὶ τοὺς ἐγγόνους αὐτοῦ*). Изучение этой надписи имеет достаточно длительную историю – еще в 1843 г. А. Бёк предложил ее чтение с некоторыми краткими комментариями [15, Nr. 2060]. Но лишь относительно недавно В. Кожокару был проведен детальный анализ этого текста [16, S. 41–56].

Остановимся на некоторых деталях, относящихся к этой надписи. Первый вопрос – о происхождении имени самого Оронта и его отца Абаба. По этому поводу существует несколько версий. А. Бёк высказал мнение о сирийском

происхождении обоих имен [15, p. 130], вероятно, полагая, что имя Оронт могло происходить от названия реки в Сирии. Это мнение поддержал В. В. Латышев (IOSPE I² 79). Л. Згуста и В. П. Яйленко полагают, что имена и Абаба, и Оронта имели иранское происхождение [17, S. 293; 8, с. 563].

Ряд других лингвистических исследований также определяет иранское происхождение имени *Ὀρόντας* или *Ὀρόντης*, которое в основном зафиксировано в эпиграфических источниках, относящихся к пограничной области греко-персидской культуры в Армении, Малой Азии и Северном Причерноморье [17, S. 276]. Л. Згуста полагает, что имя имеет персидское происхождение, приводя лишь свидетельства из Северного Причерноморья [17, S. 250]. Армения как регион распространения упоминается у Ф. Джаста [18, S. 235]. Некоторые формы этого имени встречаются также среди личных имен в Малой Азии, например, *Ὀρόνδας*, *Ὀρονδιάνη* и *Ὀρονδιάνος*, но их связь с именем *Ὀρόντης* спорна [19, S. 381, Anm. 63]. В Северном Причерноморье обладатели имени Оронт безусловно связываются с иранской средой [16, S. 43–44].

Сложнее дело обстоит с происхождением имени отца Оронта Абаба, поскольку оно встречается в Северном Причерноморье только в двух надписях середины I в. н.э. – IOSPE I² 79 и IOSPE I² 181, а иные обладатели этого имени в других районах греко-римского мира зафиксированы не были. *Ἀβάβος* используется лишь на юге Сирии и считается семитским мужским именем [20, S. 6; 21, S. 218; 22, S. 157]. Однако версия о семитском происхождении имени ольвиополита Абаба считается сомнительной [17, S. 291]. Л. Згуста обращается к более общим языковым аналогам из Малой Азии и, приводя ряд имен малоазийского происхождения (*Ἄβα*, *Ἄβας* и *Ἄβηβας*), полагает, что в разных языковых группах эти имена могли происходить от общих корней [17, S. 293; 8, с. 563; 23, с. 128], т. е. были «детскими» именами. Исследователь упоминает имя Абабы, матери императора Максимиана Фракийца, которая в источниках упоминается как *femina Alanica* (Iord. Get.83; SHA Max. 1.6). Однако практически все исследователи отвергают это сообщение, полагая, что имена родителей императора являются вымышленными, ведь даже в «Истории Августов» эти сведения упоминаются в качестве слухов [24, S. 440; 25, p. 182; 26, с. 357; 22, S. 158]. Впрочем, Ю. Б. Циркин отмечает, что, с точки зрения филологии, имена родителей императора Максимиана Фракийца вполне могут быть подлинными, поскольку соответствуют правилам скифо-иранской и германской ономастики [27, с. 39; 28, S. 294; 29, p. 22–28; 30, S. 204], даже если в конкретном источнике они могут быть плодом воображения самого императора.

Получается, что сведения ономастики в этом случае дают следующее: имя Оронта опреде-

ленно имеет иранское или персидское происхождение, имя Абаба, вероятно, аланское (т. е. сарматское) [8, с. 563]. Как полагает В. П. Яйленко, Абаб мог быть представителем скифского или сарматского рода, который занимался торговлей с греками, а именно ольвийскими купцами. В таком случае весьма конкретное наполнение получают слова из «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома о том, что после так называемой гетской экспансии [31, с. 144; 32, с. 263–272]¹ конца I в. до н.э. Ольвия возрождается согласно желанию скифов [33, S. 61–65; 34, S. 12, 16–17; 35, с. 119–153] в результате чего, по мнению античного автора, город «варваризируется» (Dio. Chr. XXXVI.4–5) [36, с. 21–52; 37, S. 165–172]². При этом в ольвийских надписях с конца I – начала II в. н.э. по 30-е гг. III в. н.э. встречается множество имен варварского, преимущественно иранского происхождения – многие архонты стратеги и жрецы – т. е. представители полисной верхушки – имеют иранские, вероятно, сарматские имена [35, с. 134; 38, с. 565–607; 39, с. 156–186; 40, с. 86–95]. Кроме того, в период с 50–80-х гг. н.э. сарматский царь Фарзой и его преемник Иненсимей чеканят золотые и серебряные монеты в Ольвии [41, с. 66–82; 42, с. 108–115; 9, с. 65–70; 43, с. 67–71]. Как подчеркивает С. Р. Тохтасев, «по-прежнему остается единственно обоснованной концепция, согласно которой ольвиополиты-выходцы из северопричерноморской иранской среды были сарматского происхождения» [38, с. 606].

Основываясь на этом факте, В. Кожакару приходит к тому, что семья Абаба и Оронта могла происходить из среды так называемых $\mu\iota\zeta\omicron\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\iota$ [44, р. 41–48] и подняться до ольвийской знати именно в период между гетским завоеванием и восстановлением города [16, р. 49–50]. По предположению некоторых авторов, население Ольвии в трудный для него период могло укрыться либо в других античных центрах, либо среди эллинизированного населения нижнеднепровских городищ [45, с. 296; 32, с. 271], а потому нельзя исключать, что отец Абаба Каллисфен (IOSPE I² 181) мог жениться на представительнице сарматской знати, отсюда и иранские корни имени сына. Такая версия является не более чем предположением, однако весьма соответствует сложившейся ситуации, тем более что смешанные греко-варварские браки известны в Северном Причерноморье и в более ранний период [см., напр., Hdt. IV.78; ср.: 46, 51ff.]. Но эта гипотеза сталкивается с существенным препятствием – имя Καλλισθένης не встречается в Ольвии и других полисах Северного Причерноморья в догетский период [11; 32, с. 272]. Впервые Каллисфен упоминается в IOSPE I² 181, сообщающей о строительной деятельности его сына Абаба. В. Кожакару приводит второй возможный вариант появления Каллисфена в Ольвии – он мог переселиться сюда с берегов

Западного и Южного Понта или из внепонтийской греческой или греко-семитской области [16, S. 50].

Так или иначе о почетном положении Оронта и Абаба в среде ольвийской городской аристократии после гетского нашествия говорится в IOSPE I² 79. В тексте почетного декрета в честь Оронта подчеркиваются заслуги его отца: « $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\varsigma\ \omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\omicron\nu\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \mu\alpha\tau\rho\iota\delta\omicron\varsigma,\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\grave{\alpha}\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\lambda\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\theta\nu\epsilon\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \gamma\nu\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ ». При этом использование в надписи оборота *genetivus absolutus* ($\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\varsigma$ и причастия $\mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ и $\mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$) [47, Sp. 1166]³ говорит о том, что все перечисленные заслуги относятся именно к отцу Оронта Абабу – «мужу первенствовавшему не только в отечестве, но и во всем Понтийском народе и возвысившемуся до известности Августам, а также принесшему много пользы и городу Византийцев в общественных нуждах и в покровительстве приезжавшему в торговую гавань» (IOSPE I² 79. Пер. В. В. Латышева).

Примечательно, что именно в проксении Византия Абаб обозначен как $\mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \gamma\nu\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ (возвысившийся до известности Августам), т. е. это первое упоминание титула $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ в эпиграфике Ольвии. Возникает вполне логичный вопрос: как $\mu\iota\zeta\omicron\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$ из среды провинциальной ольвийской аристократии мог возвыситься до известности Августам? По предположению В. Кожакару, Абаб мог получить это положение благодаря своему участию в посольстве либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия, для того чтобы заручиться поддержкой сильного союзника в борьбе против варварского окружения. Более того, будучи влиятельным человеком, он мог представлять римские интересы на своей родине [16, S. 46–48; 47, Sp. 1166]. Ю. Г. Виноградов даже предполагает, что Абаб, возможно, занимал высокий пост на службе императора [48, S. 342]. Однако в этом случае следовало бы ожидать соответствующего подтверждения в надписях. Поэтому в отсутствие надежных свидетельств источников все догадки исследователей являются лишь теоретическими построениями.

Единственный факт о политической деятельности Абаба, надежно зафиксированный в надписях, свидетельствует о его участии в возведении общественных построек. Так, надпись IOSPE I² 181 сообщает о строительстве портика, посвященного императорам Августу и Тиберию и народу: «Императору Кесарю, богу, сыну бога, Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, и императору Августу, сыну бога, Тиберию Кесарю и народу Абаб, сын Каллисфена, из собственных средств посвятил портик» (IOSPE I² 181. Пер. В. В. Латышева).

Фрагмент, на котором размещалась надпись, был найден в Очакове, поэтому место его расположения до вывоза из Ольвии остается неизвестным. Предполагаемая датировка – после 4 г. н.э., т. е. время, когда Тиберий был усыновлен Августом и получил имя *Tiberius Iulius Caesar*, а в надписи он обозначен именно *Τιβέριος Καῖσαρ*. При этом титул Тиберия в надписи – *Αὐτοκράτωρ Σεβαστός*, т. е. титул Императора Августа, а это означает, что надпись могла быть сделана только после смерти Августа в 14 г. н.э. [49, с. 182; 50, с. 641]⁴. Возможным археологическим подтверждением существования этого сооружения с посвящением являются обнаруженные в юго-восточной части Верхнего города Ольвии остатки пятиколонного дорического портика, который авторы раскопок связывают с именем Абаба [51, с. 125; 52, S. 151]⁵. Существует расхожее мнение, что это посвящение Абаба и упоминание в нем римских императоров может свидетельствовать о том, что полисная элита возрожденной Ольвии могла таким образом демонстрировать свою лояльность римским императорам за содействие в их политической и экономической деятельности [53, с. 73]. Однако кажется весьма сомнительным, что строительная деятельность на территории города проводилась без санкции гражданской общины [48, S. 342], тем более что третьим адресатом в IOSPE I² 181 является народ. Вероятно, к деятельности Абаба можно отнести еще одну надпись – IOSPE I² 275, где В. П. Яйленко восстанавливает имя [Α]βαβος, определяя ее как стихотворную эпитафию или же строительно-мемориальную надпись [8, с. 576–577]: «-- Абаб воздвиг (?) – весьма славный град и -- статуя (рельеф) -- любви -- отца (?) --» (IOSPE I² 275. Чтение и перевод В. П. Яйленко).

Учитывая, что создание IOSPE I² 181, IOSPE I² 275 и, соответственно, строительные мероприятия Абаба относятся ко второй четверти I в. н.э., их можно связать с так называемым *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως*, т. е. вторым рождением города, когда Ольвия, как и Истрия (ISM I 191; 193) [54, р. 88], заново отстраивалась после ликвидации гетской угрозы [32, с. 271–272]. При этом граждане, финансирующие строительство, сравниваются с основателями города, как видно из эпиграфики Ольвии II в. н.э. (IOSPE I² 42; 43; 44) [55, с. 146]⁶. Интересную интерпретацию выражения *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως* можно встретить у Л. Робера [цит. по: 32, р. 271], который отождествляет «основателей города» с эвергетами, добившимися от римлян ряда привилегий политического порядка, при этом предложенная версия французского исследователя базируется на материалах греческого Афродизиаса. Похожие соображения уже на основе надписи из Фанагории были высказаны Х. Хайненом, который полагает, что в данном случае *κτίστης* мог вполне буквально относиться к деятельности политика как реставратора государственного устройства

и основателя новых построек или же в переносном смысле характеризовать его как благодетеля города. Он обосновывает связь между *κτίστης* и *εὐεργέτης* и рассматривает «основание города» как всеобъемлющую форму эвергетизма [56, S. 203].

Получается, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит именно к Абабу, сыну Каллисфена, т. е. «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, возвысился до известности Августам. Остается не совсем понятным, требовала ли эта «известность» личного знакомства с римскими правящими кругами, поскольку источники не отражают этот момент, хотя, кажется, что подобное предприятие должно было запечатлеться в камне. Вероятно, «известность» могла быть и не связана с личным знакомством, а ограничиваться лишь известностью тех или иных заслуг косвенным способом – сегодня наиболее популярной является точка зрения, согласно которой гражданин провинциального северопонтийского города мог получить этот титул благодаря своей деятельности в качестве посла либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия [16, S. 46–48; 57, р. 150]. При этом очевидно, что известность Августам была лишь следствием политического возвышения провинциального рода, которое в дальнейшем будет воплощаться в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44).

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что титул явно не мог передаваться по наследству – если Абаб был *σεβαστόγυνωτος*, то Оронт происходил от известного Августам отца (IOSPE I² 79), а Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сына Дада – «от знаменитых предков, известных Августам» (IOSPE I² 42; 43), т. е. титулом обладал только сам Абаб, тем более, что источники не дают никакой информации о каких-либо контактах потомков Абаба с римской администрацией. Однако если сам титул *σεβαστόγυνωτος* наследственным быть не мог, то память о былых достижениях предков передаваться в роду могла, по аналогии с тем, как память о принадлежности к роду первооснователей сохранялась у греков в течение столетий [58, р. 73]⁷. Известность императору, как и следовало ожидать, считалась высокой честью и заслуживала быть увековеченной в камне, даже, если такого положения достигли близкие родственники (как в случае с Оронтом) или предки (IOSPE I² 42 и 43).

Исходя из высказанных соображений, можно заключить, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит к Абабу, сыну Каллисфена – представителю новой ольвийской аристократии, происходящему из среды *μιξοβάρβαροι*. Вероятно, он мог возвыситься в период *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως*, т. е. «второго рождения» Ольвии в середине

I в. н.э., когда город восстанавливался после ликвидации гетской угрозы, о чем свидетельствуют надписи о его строительной деятельности (IOSPE I² 181, IOSPE I² 275). Сведения эпиграфики позволяют говорить о том, что Абаб, «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, стал «известным Августам» и в широком смысле был для Ольвии эвергетом. Не вполне понятно, какими именно деяниями Абаб добился такого положения, но очевидно, что оно было лишь следствием политического возвышения провинциального рода. В дальнейшем представители этой семьи также подчеркивали почетный титул Абаба, отмечая, что их близкие родственники (IOSPE I² 79) или же предки (IOSPE I² 42; 43; 44) были известны римским императорам. При этом сам титул *σεβαστόγυνωστος* не был наследственным, но очевидно давал ряд преимуществ в политической жизни провинциального северопричерноморского города, что проявлялось в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44). Получается, что титул *σεβαστόγυνωστος* использовался не высшим слоем римского общества, а богатыми провинциальными или влиятельными жителями территорий, включенных в сферу римских интересов. Кроме того, как было показано, *σεβαστόγυνωστος* не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

Примечания

- ¹ Согласно общепринятой точке зрения Ольвия и ее округа были разорены или почти полностью уничтожены гетами и вплоть до конца I в. до н. э. здесь не фиксируются никаких следов жизни. Город возрождается не ранее конца I в. до н. э., а скорее всего – в первой четверти I в. н. э., что можно считать следствием исчезновения угрозы со стороны гетов.
- ² См. обстоятельный анализ этого фрагмента «Борисфенитской речи» у А. В. Подосинова.
- ³ Момент, требующий уточнения, поскольку некоторые авторы ошибочно приписывают деяния Абаба Оронту.
- ⁴ А. И. Иванчик на основании рассмотрения титулатуры императора предлагает более точную датировку этой надписи – между 17 сентября 14 г., когда Тиберий получил титул Августа, и 10 марта 15 г., когда он стал великим понтификом.
- ⁵ Интересной аналогией портику Абаба в Ольвии может являться храм в Истрии, построенный при жизни императора Августа (ISM I 146).
- ⁶ Существует мнение, что под предками «основавшими город» в IOSPE I². 42 и IOSPE I². 43 может пониматься один из олигархических родов первых колонистов, однако, как говорилось выше, имя Каллисфен не встречается в Ольвии до I в. н. э.

⁷ Аристократические роды сохраняли генеалогическое древо на множество поколений: например, в эпитафии раннего Хиоса перечислены по именам 15 предков (DGE 690).

Список литературы

1. Mendel G. Inscriptions de Bithynie // Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris : Ecole française d'Athènes, 1901. Vol. XXV. P. 5–92.
2. Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / ed. R. Cagnat, G. Lafaye. Paris : Academiae Inscriptionum et Litterarum Humanarum, 1906. Vol. III. 722 p.
3. Rober L. Études Anatoliennes / ed. M. Albert Gabriel. Paris : de Boccard, 1937. 620 p.
4. Herweeden H. Lexicon Graecum / ed. H. Herweeden. Leiden : AW Sijthoff, 1910. 1678 S.
5. A Greek-English Lexicon / eds. H. G. Liddell, R. Scott, S. Jones, R. Mc Kenzie. Oxford : Clarendon Press, 1948. 758 p.
6. Nadel B. A note about Σεβαστόγυνωστος // Eos. 1962. Vol. 52. P. 295–298.
7. Русыева А. С. Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // Древнее Причерноморье / отв. ред. А. Г. Загинайло. Одесса : Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1991. Вып. 2. С. 83–84.
8. Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб. : Нестор-История, 2016. 1024 с.
9. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова думка, 1989. 125 с.
10. Зограф А. Н. Античные монеты. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 308 с.
11. Cojocar V. Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice (Die Bevölkerung der nördlichen und nordwestlichen Schwarzmeerküste vom 6. bis 1. Jh. v. Chr. auf Grundlage des Inschriftenmaterials). Iași : Al. I. Cuza, 2004. 500 p.
12. A Lexicon of Greek Personal Names / ed. P. M. Fraser. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford : Oxford University Press, 2005. 458 p.
13. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien : Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 398 S.
14. Robert L. Études épigraphiques et philologiques. Paris : Champion, 1938. 343 p.
15. Corpus Inscriptionum Graecarum II. Pars XI. Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio / ed. A. Boeckh. Berolini : Berolini ex officina academia, 1843. 1166 p.
16. Cojocar V. Von Byzantion nach Olbia: Zur Proxenie und zu den Außenbeziehungen auf der Grundlage einer Ehreninschrift // Arheologia Moldovei. Bukarest: Editura Academiei Române, 2009/2010. Vol. 32. S. 41–56.

17. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag : Akademie, 1955. 467 S.
18. Justi F. Iranisches Namenbuch. Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963. 526 S.
19. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag : Der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1964. 701 S.
20. Wuthnow H. Die semitischen Menschnennamen in griechischen Inschriften und Papyri des vorderen. Leipzig : Dieterich, 1930. 175 S.
21. Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd. I–II. Gießen : Töpelmann, 1902. 444 S.
22. Vidman L. Ababa und Αβαβος. Ein Beitrag zur Onomastik der nördlichen Schwarzmeerküste // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes / Hrsg. J. Irmscher, D. B. Schelow. Berlin : Akademie-Verlag, 1961. S. 155–158.
23. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М. : Гриф и К, 2010. 740 с.
24. Wiegels R. Tribunus legionis III (Italicae)? Zu einer Notiz in der Historia Augusta und zur Vita des Maximinus Thrax vor seiner Kaisererhebung // Klio. 2012. Bd. 94. S. 436–461.
25. Syme R. Emperors and biography. Oxford : The Clarendon Press, 1971. 306 p.
26. Любжин А. И. Примечания // Властелины Рима. М. : Наука, 1992. 384 с.
27. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб. : Нестор-История, 2015. 472 с.
28. Altheim F. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1957. Bd. II. 428 S.
29. Belezza A. Massimino il Trace. Genova : Fratelli Pagano, 1964. 240 p.
30. Lippold A. Kommentar zur Vita Maximini Duo der Historia Augusta. Bonn : Dr. Rudolf Habelt, 1991. 740 S.
31. Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum, 3. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, Благотворительный фонд «Деметра», 2007. 240 с.
32. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М. : Наука, 1989. 288 с.
33. Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Stuttgart : Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 2006. 91 S.
34. Hupe J. Einleitung // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. J. Hupe. Rahden : Leidorf, 2006. 278 S.
35. Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI–I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50. С. 119–153.
36. Подосинов А. В. Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. № 6. С. 157–187.
37. Hupe J. Dion von Prusa zum Kult des Achilleus in Olbia // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. J. Hupe. Rahden : Leidorf, 2006. 278 S.
38. Тохтасьева С. Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // Commentationes Iranicae: сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 565–607.
39. Трещева Ю. Н. Просопография должностных лиц в Ольвии I–III вв. н. э. // ВДИ. 1977. Вып. 4. С. 156–182.
40. Карышковский П. О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. Вып. 1. С. 73–96.
41. Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев : Наукова думка, 1982. С. 66–82.
42. Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев : Наукова думка, 1988. 164 с.
43. Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев : Наукова думка, 1991. 112 с.
44. Casevitz M. Le vocabulaire du mélange démographique: mixobarbares et mixhellènes // Origines gentium / éd. V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux : Ausonius éditions, 2001. P. 41–47.
45. Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев : ИА НАНУ, 1999. 478 с.
46. Ruscu L. Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre (Die Außenbeziehungen der griechischen Städte der rumänischen Schwarzmeerküste). Cluj-Napoca : Academia Română, 2002. 254 S.
47. Diehl E. Orontes 8 // Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft in alphabetischer Ordnung / Hrsg. G. Wissowa. Bd. XVIII. Hbd. 1. Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 1939. Sp. 1166.
48. Vinogradov Ju. G. Olbia und Traian // Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz : Philipp Von Zabern, 1997. 703 S.
49. Русяева А. С. Абаб, сын Каллисфена – политический деятель Ольвии Понтийской // Античный мир и археология / отв. ред. В. Н. Парфенов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. Вып. 11. С. 182–187.
50. Иванчик А. И. Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома // ВДИ. 2017. № 3 (77). С. 636–650.

51. Крапивина В. В., Буйских А. В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья* / ред. С. Б. Охотников. Одесса : Ветаком, 1997. С. 122–127.
52. Pippidi D. M. Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit // *Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft.* Berlin : Akademie-Verlag, 1962. Bd. 34. 216 S.
53. Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // *Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья* / отв. ред. А. И. Павловская. М. : Институт всеобщей истории, 1987. С. 4–105.
54. Avram A. An Istrian Dedication to Leto // *Cauldron of Ariantas* / eds. P. G. Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba. Aarhus : Aarhus University Press, 2003. P. 87–91.
55. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1887. 314 с.
56. Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosphoros. Zu neuen Inschriften aus Phanagorea // *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v.Chr. – 1. Jahrhundert n.Chr.)* / Hrsg. A. Coşkun. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2008. S. 189–208.
57. Chaniotis A. Political culture in the cities of the northern Black sea region in the “Long hellenistic age” (the epigraphic evidence) // *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions* / ed. V. Kozlovskaya. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 141–166.
58. Graham A. J. ΟΙΚΗΙΟΙ ΠΕΡΙΝΘΙΟΙ // *JH S. Oxford : The Society for the Promotion of Hellenic Studies, 1964. Vol. 84. P. 73–75.*

Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024